Именем
Российской Федерации

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича

город Санкт-Петербург 20 января 2026 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Л.М.Жарковой, К.Б.Калиновского, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, М.Б.Лобова, В.А.Сивицкого, Е.В.Тарибо,

с участием гражданина Д.И.Тимченко и его представителя – адвоката М.И.Аманлиева, полномочного представителя Государственной Думы в Конституционном Суде Российской Федерации Ю.А.Петрова, полномочного представителя Совета Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации А.А.Клишаса, полномочного представителя Президента Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации Д.Ф.Мезенцева,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 74, 86, 96, 97 и 99

Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина Д.И.Тимченко. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспариваемое заявителем законоположение.

Заслушав сообщение судьи-докладчика М.Б.Лобова, объяснения представителей сторон и выступления приглашенных в заседание представителей: от Генерального прокурора Российской Федерации – В.В.Росинского, от Министерства юстиции Российской Федерации – А.В.Таманцевой, от Банка России – А.Г.Гузнова, от Федеральной службы по финансовому мониторингу – Д.И.Бурды, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно части 6 статьи 14 Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее также – Федеральный закон № 259-ФЗ) требования лиц, указанных в части 5 этой статьи, связанные с обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите только при условии информирования ими о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок и (или) операций с цифровой валютой в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

1.1. Д.И.Тимченко заключил с П. договор, поименованный «договором купли-продажи цифровой валюты (криптовалюты)» и датированный 17 апреля 2023 года. Предметом договора стали 1000 единиц («токенов») *USDT*

(аббревиатура от *United States Dollar Tether*), которые, как указано в договоре, П. (продавец) отправил со своего криптокошелька на криптокошелек Д.И.Тимченко, за что получил от последнего 81 500 рублей. По договору продавцом подтверждено, что цифровая валюта добыта, получена, приобретена им легальным, непреступным путем.

На следующий день Д.И.Тимченко заключил с Ш. «договор управления цифровой валютой», предметом которого стали ранее приобретенные Д.И.Тимченко 1000 единиц («токенов») *USDT*, чья стоимость определена сторонами в 82 000 рублей. В соответствии с договором Ш. в течение семи дней должен был совершать на криптовалютных биржах сделки, направленные на получение выгоды, с переданными ему Д.И.Тимченко объектами, а по истечении этого срока – вернуть их Д.И.Тимченко на тот же криптовалютный кошелек в том же размере вместе с 80 процентами от полученной прибыли, если она образуется. В договоре особо оговаривалось, что передача цифровой валюты не влечет перехода прав на нее к Ш. В случае «непроявления должной заботливости в отношении имущества (цифровой валюты)» Ш. обязывался возместить все сопутствующие убытки. Подтверждением передачи цифровой валюты явились запись в информационной системе и подписание акта приема-передачи.

В установленный договором срок Ш. не вернул Д.И.Тимченко предмет договора и оставил без ответа предъявленную последним претензию. Д.И.Тимченко обратился в суд с требованием обязать Ш. вернуть ему оговоренную договором цифровую валюту. Обосновывая свое требование, он ссылался на правила об истребовании имущества из чужого незаконного владения и на возникновение на стороне ответчика подлежащего возврату неосновательного обогащения. Решением от 13 ноября 2023 года Савеловский районный суд города Москвы отказал в удовлетворении иска Д.И.Тимченко на том основании, что истцом не предпринято мер с целью информирования об обладании цифровой валютой и о сделках с ней в порядке, установленном законодательством о налогах и сборах. Суд также счел, что объектом виндикации может быть только существующая в натуре

индивидуально-определенная вещь, но истцом не представлено доказательств нахождения переданного им имущества у ответчика.

С выводами суда первой инстанции согласилась судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда в апелляционном определении от 6 июня 2024 года. Несмотря на довод Д.И.Тимченко о том, что ответчик не оспаривал факт нахождения у него спорной цифровой валюты, судебная коллегия посчитала, что неинформирование в установленном порядке об обладании цифровой валютой и о сделках с ней влечет в силу части 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ отказ в судебной защите. Утверждение истца о том, что цифровая валюта является имуществом и потому на связанные с нею споры должна распространяться судебная защита, признано несостоятельным со ссылкой на наличие специального правового регулирования. Определением судебной коллегии по гражданским делам Второго кассационного суда общей юрисдикции от 26 сентября 2024 года названные судебные постановления оставлены без изменения. Судья Верховного Суда Российской Федерации определением от 28 февраля 2025 года отказал представителю Д.И.Тимченко в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации.

По мнению Д.И.Тимченко, часть 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ противоречит Конституции Российской Федерации, ее статьям 19, 35, 46, 55 и 56, поскольку создает неравенство между обладателями цифровой валюты и собственниками любого иного имущества в части судебной защиты, а также лишает обладателей цифровой валюты судебной защиты их прав, обусловливая ее предоставление информированием государства об обладании цифровой валютой и о сделках (операциях) с ней.

1.2. Определяя предмет рассмотрения по делу в порядке конкретного нормоконтроля, Конституционный Суд Российской Федерации связан не только предметом, указанным в жалобе, и тем, конституционность какой части акта подвергается сомнению в обращении (часть третья статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде

Российской Федерации»), но и самой природой этой формы нормоконтроля, в силу которой он не может абстрагироваться от тех особенностей содержания имевших место в конкретных делах правоотношений, которые обусловлены оспариваемыми нормами и иными положениями, подлежащими применению в данных делах (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 2025 года № 3-П).

Из представленных материалов по делу Д.И.Тимченко следует, что приобретенные им у частного лица и переданные им другому частному лицу 1000 единиц («токенов») *USDT* являются выраженными в цифровой форме ценностями, также именуемыми «стейблкоинами», используемыми в качестве средства обмена, учета и сбережения. В договоре же между Д.И.Тимченко и Ш., как и в предшествовавшем ему договоре между Д.И.Тимченко и П., приобретаемые и передаваемые объекты именовались цифровой валютой и именно в таком качестве понимались рассмотревшими дело судами, что и предопределило применение к требованиям истца части 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ.

Между тем в контексте действующего правового регулирования квалификация цифровых ценностей, их правовой режим, содержание конкретного правоотношения и, следовательно, выводы относительно законодательных ограничений судебной защиты связанных с ними прав могут меняться. Конституционный Суд Российской Федерации учитывает, что, исходя из судебных постановлений по делу Д.И.Тимченко, ему не была предоставлена судебная защита в отношении его требований, связанных с обладанием именно цифровой валютой, а не иным цифровым активом, и оценивает неопределенность в вопросе о конституционности оспариваемой нормы именно в таком аспекте. При этом Конституционный Суд Российской Федерации не предрешает выводов о правильности выбора Д.И.Тимченко способа защиты его прав, как и о соответствии предмета заключенных им договоров признакам цифровой валюты. Данные вопросы разрешаются судами с учетом фактических обстоятельств конкретного дела на основе законодательно закрепленных характеристик, разграничивающих различные

виды цифровых активов. Рассматривая вопрос о конституционности оспариваемой нормы, Конституционный Суд Российской Федерации оценивает не только ее буквальный смысл и место в системе правовых норм, но и смысл, придаваемый ей толкованием в деле заявителя (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

1.3. Таким образом, с учетом предписаний статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» часть 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ является предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу в той мере, в какой на ее основании решается вопрос о предоставлении судебной защиты требованию, связанному с обладанием цифровой валютой и совершением с ней гражданско-правовых сделок (операций).

2. Реализация положений статей 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации об охране права частной собственности законом и о праве каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности требует установления в законодательстве последовательных и согласованных правовых мер регулирования широкого круга имущественных отношений, на которые распространяется действие конституционных принципов свободы и неприкосновенности собственности.

Законодатель призван, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, обеспечивать правовую определенность, стабильность и предсказуемость в сфере гражданского оборота, поддерживая как можно более высокий уровень взаимного доверия между субъектами экономической деятельности и создавая все условия для эффективной защиты права собственности и иных имущественных прав (Постановление от 14 мая 2012 года № 11-П и др.). Принципы правовой определенности и равенства всех перед законом препятствуют разному (а тем более противоположному) толкованию одной и той же по своему функциональному назначению

экономико-правовой категории, по крайней мере если из конкретной правовой нормы с учетом ее места в системе регулирования не следует, что законодатель осознанно придавал этой категории иное значение, чем в других нормах и правовых институтах (постановления от 19 апреля 2023 года № 19-П, от 21 января 2025 года № 2-П и др.).

С одной стороны, закрепив в ряде федеральных законов (от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции») и в Налоговом кодексе Российской Федерации для их целей принадлежность цифровой валюты к имуществу, законодатель недвусмысленно признал имущественные характеристики этого цифрового явления, по меньшей мере в особо обозначенном им круге общественных отношений. С другой стороны, в силу относительной новизны, технической специфики и динамичного развития феномена цифровой валюты в законодательстве пока не содержится ее юридической квалификации применительно к иным правоотношениям, помимо прямо указанных в законе. Формирование правового режима цифровой валюты в действующем правовом регулировании остается в ряде аспектов незавершенным.

2.1. Определение цифровой валюты в действующем законодательстве не позволяет отнести ее ни к одному из традиционно признаваемых видов имущества. Согласно части 3 статьи 1 Федерального закона № 259-ФЗ цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных

данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам. Сказанное позволяет рассматривать цифровую валюту как разновидность виртуальных активов, определяемых в рекомендациях Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) как цифровое выражение ценности, которое может цифровым образом обращаться или переводиться и может быть использовано для целей платежа и инвестиций (виртуальные активы при этом не включают в себя цифровое выражение фиатных валют, ценных бумаг и других финансовых активов по смыслу соответствующих рекомендаций ФАТФ).

В отличие от вещей цифровая валюта не имеет осязаемого воплощения, а существует лишь в виртуальном пространстве в рамках определенной информационной системы, что объясняет объективные трудности в правовом регулировании этого явления. Осуществление прав на цифровую валюту опосредовано операторами и (или) узлами информационной системы и зависит от соблюдения установленных в ней правил и параметров. Хотя цифровые валюты способны предлагаться и приниматься в качестве средства платежа и инвестиций, они не относятся к безналичным денежным средствам, существующим в виде записи на банковском счете, поскольку последние представляют собой обязательственное требование к банку, а первые не дают своим обладателям аналогичных прав в отношении какого-либо субъекта.

Процедура выпуска и обращения цифровой валюты в некоторой степени схожа с системой, предусмотренной законом для бездокументарных ценных бумаг (пункты 2 и 3 статьи 149, пункты 1 и 2 статьи 149^2 ГК Российской Федерации), но в отличие от последних цифровая валюта, как уже сказано, не удостоверяет какого-либо права требования (часть 3 статьи 1 Федерального закона № 259-ФЗ, пункт 1 статьи 149 ГК Российской Федерации). Не относятся цифровые валюты и к цифровым правам,

поскольку последними признаются только те права, которые названы таковыми в законе (пункт 1 статьи 141^1 ГК Российской Федерации), вследствие чего к цифровым валютам не применимо регулирование, установленное Федеральным законом от 2 августа 2019 года № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (пункт 2 части 1 статьи 2).

2.2. Несмотря на всю специфику, цифровая валюта дает ее обладателю возможность автономно и независимо от других пользователей соответствующей информационной системы совершать с ней определенные действия, включая ее покупку, обмен и иные приходно-расходные операции. Цифровая валюта наряду с иными виртуальными активами все чаще вовлекается в экономические процессы как средство, обладающее спросом и служащее для приобретения реальных вещей или прав, что с очевидностью свидетельствует о ее оборотоспособности. Более того, тенденции развития общественных отношений таковы, что наличие у цифровой валюты экономической ценности, измеримой в денежном выражении или в ином стоимостном эквиваленте, признается не только участниками гражданского оборота, имеющими доступ к информационным технологиям, но и – в неуклонно возрастающей степени – самим государством, даже если в отдельных вопросах использование цифровой валюты допускается им лишь в тестовом (экспериментальном) режиме.

Так, в силу части 3 статьи 2 Федерального закона от 10 декабря 2003 года № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» в целях осуществления сделок с цифровой валютой положения программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, утверждаемой Банком России в соответствии с Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», могут изменять или исключать действие положений Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» в части использования

понятий «валютные ценности» и «валютные операции», в части использования цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам), которые предусматривают передачу товаров, выполнение работ, оказание услуг, передачу информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них, и в части определения прав и обязанностей резидентов и нерезидентов при осуществлении ими валютных операций с цифровой валютой, а также органов и агентов валютного контроля.

Цифровая валюта признана имуществом для целей Налогового кодекса Российской Федерации (абзац тридцать третий пункта 2 его статьи 11 в редакции Федерального закона от 28 ноября 2025 года № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации»). Одновременно в данном Кодексе урегулированы вопросы налогообложения доходов в виде цифровой валюты, полученной в результате ее майнинга, и доходов по операциям с цифровыми валютами в рамках экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, предусматривающего использование цифровой валюты в качестве средства платежа по внешнеторговым договорам (контрактам) (статья 282^3). Кроме того, в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций допускается проведение организованных торгов цифровой валютой (часть 3 статьи 1 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 325-ФЗ «Об организованных торгах»).

Указанные качества цифровых валют в сочетании с придаваемыми им в экономическом обороте функциями приводят к тому, что, несмотря на виртуальные формы, в которые они облечены, обладание ими наполняется в современных реалиях вполне конкретным имущественным содержанием. Хотя использование цифровой валюты ограничено и не урегулировано во всех возможных аспектах, гражданское законодательство принципиально не

препятствует тому, чтобы рассматривать ее как объект гражданских прав – в качестве «иного имущества» по смыслу статьи 128 ГК Российской Федерации. Отсутствие допускаемого законом запрета на сделки с цифровой валютой (часть 11 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ) и согласующиеся с этим законные возможности ее приобретения и использования свидетельствуют о том, что обладание цифровой валютой не выпадает из-под гражданско-правового регулирования, а ее очевидное и признанное законодателем имущественное содержание заставляет рассматривать связанные с ней правоотношения как отношения собственности, которые в конституционно-правовом смысле распространяются как на вещные, так и на иные имущественные права, равным образом охраняемые статьей 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации.

3. Правоотношения, вытекающие из обладания цифровыми валютами и из сделок (операций) с ними, должны, как и иные имущественные правоотношения, регламентироваться законодателем исходя из принципов правового государства, включая юридическое равенство и справедливость. Любые вводимые законом ограничения прав владения, пользования и распоряжения имуществом, свободы предпринимательской деятельности и свободы договоров должны предопределяться необходимостью охраны конституционных ценностей, быть обоснованными и соразмерными, не затрагивать существо конституционных прав, не нарушать автономию воли и имущественную самостоятельность участников оборота, не допускать неправомерного вмешательства в частные дела собственников, кредиторов и должников и вместе с тем обеспечивать соотнесение принадлежащего лицу права собственности с правами и свободами других лиц (постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2007 года № 10-П, от 14 мая 2012 года № 11-П, от 12 мая 2020 года № 23-П и др.).

Правовое регулирование отношений по поводу цифровых валют, равно как и иных виртуальных активов, находится – в силу стремительного развития породивших их технологий – в стадии непрерывного становления.

С одной стороны, это предполагает как поиск законодателем адекватных механизмов целесообразного использования цифровых валют в легальном обороте, так и контроль за действиями его участников в целях предотвращения недобросовестного поведения и осуществления фискальной функции государства в отношении этого имущества. С другой стороны, поскольку оборот цифровой валюты не только открывает новые экономические возможности, но и создает серьезные риски для безопасности и финансовой стабильности государства с вытекающими отсюда последствиями для благополучия граждан, законодатель также устанавливает в ее отношении определенные ограничения.

Так, согласно статье 14 Федерального закона № 259-ФЗ указанным в ее части 5 юридическим и физическим лицам запрещается принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги, за исключением получения цифровой валюты в результате ее выпуска и (или) получения лицом, осуществляющим или организующим ее майнинг, вознаграждения за подтверждение записей в информационной системе. Запрещается предложение неограниченному кругу лиц цифровой валюты, а также товаров, работ, услуг в целях ее обращения (часть 8 той же статьи). Более того, уполномоченный орган, определенный Правительством Российской Федерации, по согласованию с Банком России вправе не только ограничить, но и полностью запретить совершение сделок с цифровой валютой, если того потребует обеспечение финансовой стабильности государства (часть 11 той же статьи).

Ограничительные и регуляторные меры в отношении цифровых валют с очевидностью направлены на предотвращение их неконтролируемого распространения, которое – при определенных условиях и объемах фактического обращения цифровой валюты в качестве средства платежа – способно негативно сказаться на ценовой устойчивости и денежно-кредитной политике. Отсутствие подобных мер не согласовывалось бы с конституционно значимыми целями реализации финансового суверенитета и

финансовой стабильности государства, императивными условиями которых являются исключительный статус национальной валюты – российского рубля, его защита и обеспечение его устойчивости, недопустимость эмиссии в Российской Федерации иных денег (статья 75, части 1 и 2, Конституции Российской Федерации).

Стремление законодателя к созданию дифференцированного правового режима цифровой валюты, допускающего ее ограниченное и контролируемое использование при одновременном обеспечении необходимой прозрачности ее оборота, продиктовано также повышенными рисками ее применения в противоправной деятельности. В силу своей децентрализованной природы и возможностей неконтролируемого, в том числе теневого, использования цифровая валюта зачастую становится инструментом для сокрытия доходов, для отмывания денежных средств, полученных преступным путем, для финансирования преступной деятельности, для ухода от налогов и вывода средств из легальной экономики и банковской системы, в том числе за пределы национальной юрисдикции. Поступательное выстраивание правовой базы для противодействия указанным явлениям включает как детализацию требований к провайдерам услуг виртуальных активов с целью достижения должной прозрачности операций с цифровой валютой, так и развитие инструментария юридической ответственности за ее противоправное использование, чему на текущем этапе законодатель уделяет особое внимание (проект федерального закона № 902782-8 «О внесении изменений в статью 104^1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»).

Сказанное позволяет рассматривать цифровую валюту как имущество, чья оборотоспособность ограничена законом по смыслу пункта 2 статьи 129 ГК Российской Федерации. При этом, как ранее отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, законодатель вправе учитывать особые характеристики тех или иных объектов посредством возложения на их собственников дополнительных обязанностей и обременений (постановления от 31 мая 2005 года № 6-П, от 22 апреля 2011 года № 5-П и др.).

Соответственно, законодатель может ограничивать права, связанные с обладанием цифровой валютой, подобно ограничению прав обладателей иных ограниченных в гражданском обороте объектов, но лишь в той мере, в какой – по смыслу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации и корреспондирующего ей пункта 2 статьи 1 ГК Российской Федерации – это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

4. Конституционный Суд Российской Федерации не раз подчеркивал, что конституционная защита права собственности и других имущественных прав гарантируется посредством провозглашенного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации права на судебную защиту. Оно предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты, обеспечивающей эффективное восстановление нарушенных прав и свобод посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и равенства (постановления от 2 февраля 1996 года № 4-П, от 5 февраля 2007 года № 2-П, от 15 июля 2021 года № 37-П и др.). Имущественные права, вытекающие из законного обладания цифровой валютой, на которые в системе действующего правового регулирования распространяются гарантии, закрепленные статьей 35 (части 1 и 2) Конституции Российской Федерации, должны подлежать судебной защите наряду с иными имущественными правами с учетом, однако, особых характеристик цифровой валюты и ее режима как ограниченного в обороте объекта гражданских прав. Произвольный же отказ в защите законных и обоснованных имущественных требований заинтересованных лиц, связанных с обладанием цифровой валютой, и тем более поощрение недобросовестного поведения, посягающего на соответствующие права, не только не согласуются с конституционными требованиями, но и негативно влияют на стабильность гражданского оборота, которая в значительной степени обеспечивается надежностью и

добросовестностью его участников (Постановление от 9 апреля 2020 года № 16-П).

Вместе с тем право на судебную защиту реализуется в порядке и с соблюдением условий, предусмотренных как процессуальным, так и материальным законодательством. Если в первом случае закон устанавливает и гарантирует саму возможность обращения в суд за защитой нарушенного или оспоренного права, а также порядок рассмотрения и разрешения требований, то во втором случае могут определяться доступные меры защиты и условия удовлетворения притязаний, обусловленные спецификой защищаемого права, необходимым балансом законных интересов участников правоотношений и характером требований, обращенных к другой стороне спора (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2025 года № 45-П).

4.1. Предусмотрев различные ограничения на оборот цифровых валют в Российской Федерации, законодатель установил в части 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ – в дополнение к иным правилам доступа к судебной защите гражданских прав – специальное условие судебной защиты требований, вытекающих из обладания цифровой валютой, в виде обязательного информирования государства о фактах обладания ею и совершения с ней сделок (операций). Такого рода информация предоставляется в порядке, который установлен законодательством о налогах и сборах. В настоящий момент Налоговым кодексом Российской Федерации в статье 86^5 (введена Федеральным законом от 29 ноября 2024 года № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; далее также – Федеральный закон № 418-ФЗ) установлена обязанность оператора майнинговой инфраструктуры сообщать в электронной форме по телекоммуникационным каналам связи не позднее 25-го числа месяца, следующего за истекшим кварталом, в налоговый орган по месту своего нахождения сведения, связанные с осуществлением майнинга цифровой валюты лицом, которому данный оператор оказывает услуги по

предоставлению майнинговой инфраструктуры; состав таких сведений определяется федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным по контролю и надзору в области налогов и сборов.

Кроме того, Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2024 года № 1466 «Об обязанности лица, осуществляющего майнинг цифровой валюты (в том числе участника майнинг-пула), по предоставлению информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула» (далее также – Постановление Правительства Российской Федерации № 1466), принятым во исполнение части 10 статьи 14^2 Федерального закона № 259-ФЗ, установлен порядок исполнения обязанности по предоставлению информации о получении цифровой валюты в случае выпуска (получения) цифровой валюты в результате майнинга цифровой валюты, а также об адресе-идентификаторе, включая адрес-идентификатор майнинг-пула, в федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах.

Соответствующая информация предоставляется в уполномоченный орган в форме электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, с использованием официального интернет-сайта уполномоченного органа в срок не позднее 20-го числа месяца, следующего за месяцем, в котором цифровая валюта была получена.

Предусмотренный приведенным правовым регулированием специальный порядок информирования, по его буквальному смыслу, непосредственно адресован тем обладателям цифровой валюты, которые осуществляют ее майнинг, а также операторам майнинговой инфраструктуры. При этом в первоначальном законопроекте, ставшем впоследствии Федеральным законом № 418-ФЗ, предусматривался схожий порядок информирования налоговых органов любыми обладателями цифровой валюты вне зависимости от причастности к ее майнингу (статья 1

проекта федерального закона № 1065710-7). Однако в Федеральном законе № 418-ФЗ, как и в Постановлении Правительства Российской Федерации № 1466, иные обладатели цифровой валюты, не связанные с ее майнингом, не упомянуты.

Отсутствие прямого указания в законе и подзаконных актах на необходимость следовать вновь введенному специальному или иному порядку информирования для исполнения означенными лицами публично-правовой обязанности, которой государство обусловило осуществление их права на судебную защиту, способно поставить их в затруднительное положение. С одной стороны, используемые ими инструменты регулярной коммуникации с налоговыми органами, например в виде представления налоговых деклараций, могут быть обоснованно расценены как не приспособленные для такого информирования, поскольку налоговая декларация предполагает отражение лишь доходов от цифровой валюты по итогу годового цикла, но не каждой совершенной с цифровой валютой сделки (операции). С другой стороны, вновь введенный порядок ежемесячного информирования налоговых органов о фактах обладания цифровой валютой и совершения с ней сделок (операций) не применим *expressis verbis* к тем обладателям цифровой валюты, которые получили (приобрели) ее способами, не связанными с ее майнингом.

4.2. На момент обращения Д.И.Тимченко в суд с иском о возврате ему виртуального актива, который рассматривался сторонами договора и судами как цифровая валюта, специальный порядок информирования, введенный Федеральным законом № 418-ФЗ и Постановлением Правительства Российской Федерации № 1466, еще не был принят. Тем не менее суды зачастую не признавали отсутствие такого порядка в качестве освобождающего обладателей цифровой валюты от исполнения закрепленного частью 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ условия, и его несоблюдение становилось, как это произошло в деле Д.И.Тимченко, самостоятельным основанием отказа в удовлетворении исковых требований, вытекающих из обладания цифровой валютой (апелляционные определения

Московского городского суда от 20 октября 2022 года № 33-41465/2022 и Приморского краевого суда от 1 февраля 2024 года № 33-831/2024, определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 4 июня 2024 года № 88-5092/2024). В то же время встречался и обратный подход, когда несоблюдение данного условия не воспрепятствовало удовлетворению гражданского иска в уголовном деле (кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11 июля 2024 года № 77-2735/2024).

Судебная защита гражданских прав, связанных с обладанием цифровыми валютами и со сделками (операциями) с ними, осложнялась и отсутствием единообразного понимания гражданско-правового режима цифровых валют в судебной практике. В деле Д.И.Тимченко, например, суд изначально квалифицировал предмет спора как имущество, но отметил, что истец должен нести риск потери или уменьшения переданного добровольно имущества, поскольку результат сделки с ответчиком мог быть и недостижим. В ряде других решений суды, напротив, не считали цифровую валюту объектом гражданских прав, оценивая операции с ней как биржевую игру, предпринятую ее участниками на свой страх и риск. Требования, связанные с утратой цифровой валюты (в том числе вследствие передачи во временное пользование или в рамках инвестиционного займа), согласно такому подходу не считаются подлежащими судебной защите по аналогии с предписанием пункта 1 статьи 1062 ГК Российской Федерации, которое применяется к играм и пари (апелляционные определения Ульяновского областного суда от 20 января 2023 года № 33-376/2023, Московского городского суда от 20 марта 2024 года № 33-8939/2024 и суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 2 июля 2024 года № 33-4023/2024; определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 апреля 2025 года № 88-9050/2025). Отказывая в судебной защите гражданско-правовых притязаний, связанных с цифровыми валютами, суды также ссылались и на то, что в законодательстве не урегулированы отношения по поводу цифровых валют (постановление Четвертого

арбитражного апелляционного суда от 10 августа 2023 года по делу № А58-8363/2022) и не регламентирован государственный контроль за их оборотом (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 октября 2024 года № Ф03-4600/2024).

Незавершенность правового регулирования виртуальных активов и отсутствие твердых ориентиров для судебной практики в этой области может также приводить к неоднозначному пониманию предмета спора, что, в свою очередь, влияет на решение вопроса о предоставлении судебной защиты соответствующих прав. Так, ставшие предметом договорных отношений Д.И.Тимченко с контрагентом виртуальные единицы были поименованы сторонами договора как цифровая валюта и в таком же качестве понимались судами по ходу рассмотрения дела. Именно понимание предмета договора как цифровой валюты предопределило применение к правоотношению части 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ с вытекающим из этого отказом в судебной защите, чего не произошло бы в случае иной квалификации предмета договора на основании критериев, содержащихся в данном законодательном акте. Независимая квалификация судами предмета спора как виртуального актива, не являющегося цифровой валютой, впрочем, не лишает их возможности – с учетом режима того или иного актива в национальном праве – оценить допустимость его судебной защиты, руководствуясь положениями материального и процессуального закона (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2002 года № 282-О).

В то же время в судебной практике встречаются случаи признания цифровой валюты – в силу присущих ей экономической ценности и оборотоспособности – в качестве объекта гражданских прав, подлежащих судебной защите (апелляционное определение Московского городского суда от 6 сентября 2023 года № 33-36612/2023, определения Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30 июня 2021 года № 88-10336/2021 и Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 1 марта 2023 года № 88-9876/2023). Цифровая валюта признавалась имуществом и

при производстве по уголовным делам (кассационные определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 1 июля 2021 года № 77-1255/2021 и от 2 июня 2022 года № 77-1578/2022, определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2024 года № 88-5718/2024).

5. Обусловливая судебную защиту связанных с обладанием цифровой валютой прав требованием информирования о фактах обладания цифровой валютой и совершения с ней сделок (операций), законодатель учитывал особые свойства цифровой валюты не только как ограниченного в обороте объекта гражданских прав, но и как возникающего в виртуальном пространстве децентрализованного явления особого рода, контроль над которым весьма затруднен. Сбор государством необходимой информации путем публично-правового обременения непосредственных пользователей цифровых валют в современных условиях объективно обоснован тем, что традиционные методы государственного финансового контроля над их оборотом, как и регулирующее воздействие на оператора и (или) узлы соответствующей информационной системы, могут оказаться – в силу присущей цифровой валюте специфики – неэффективными или невозможными. Предъявляя специальное требование для доступа к судебной защите гражданских прав, часть 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ с очевидностью преследует цель минимизировать связанные с цифровыми валютами риски не только для государства, которое вынуждено добиваться достоверной информации об их обороте и объеме распространения, но и для участников оборота, включая как самих обладателей цифровых валют, так и тех, кто, не будучи таковым, может пострадать от их противоправного использования.

Кроме того, требование предоставить государственному органу информацию о фактах обладания цифровой валютой и совершения с ней сделок (операций) допустимо рассматривать как официализацию ограниченного в обороте виртуального актива в национальном правопорядке, в котором предполагается обеспечить не только судебную защиту

имущественных прав на данный актив, но и все иные правовые последствия его использования. Выполнение такого требования, по сути, интегрирует виртуальный имущественный актив, возникший в результате сложного взаимодействия трансграничных коммуникационных процессов в неподконтрольной государству информационной системе, в национальную правовую реальность. Введение специального условия для предоставления судебной защиты имущественных прав, связанных с обладанием цифровой валютой, служит, таким образом, достижению конституционно значимых целей и не предполагает – ни по своему содержанию, ни по своему назначению – избыточного обременения, которое подрывало бы само существо права на судебную защиту, гарантированного статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации.

Вместе с тем предусмотренная частью 6 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ возможность судебной защиты гражданских прав, вытекающих из законного обладания цифровой валютой и законного ее использования, способна нивелироваться на практике вследствие неоднозначного понимания цифровой валюты как подлежащего судебной защите объекта гражданских прав и вследствие отсутствия порядка информирования налоговых органов о фактах обладания цифровой валютой и совершения сделок (операций) с ней, если таковые не связаны с майнингом цифровой валюты.

В таких обстоятельствах отказ в судебной защите требований, вытекающих из обладания цифровой валютой, не только не согласуется с правом добиваться в суде защиты и восстановления имущественных прав, гарантированным статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации, но и чреват нарушением гарантий неприкосновенности собственности, свободного использования имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленных в ее статьях 19 (часть 1), 34 (часть 1) и 35 (части 1 и 2).

Стремительное развитие виртуальных технологий и связанных с ними правоотношений предполагает, как было отмечено выше, непрерывное

совершенствование законодателем правовой основы функционирования цифровой валюты путем принятия новых нормативных актов в соответствии с частью 4 статьи 14 Федерального закона № 259-ФЗ, что также согласуется и с развитием международно-правовых стандартов противодействия противоправной деятельности с использованием цифровых валют и иных виртуальных активов. Учитывая специализированный характер отношений по поводу использования цифровых валют в национальной юрисдикции, их техническую сложность и многоаспектность, законодатель обладает широкой дискрецией в развитии их правового регулирования, в том числе в отношении судебной защиты вытекающих из обладания цифровой валютой прав, как и прав на эмитированные вне российской юрисдикции «токены», «стейблкоины» и другие цифровые выражения ценности, квалификация которых в национальном праве осуществляется на основании закона и не предопределяется позицией сторон по конкретному гражданскому спору. Своевременное совершенствование законодателем нормативного регулирования в этой области особенно востребовано, поскольку, как подтверждается среди прочего исследованиями Центрального банка Российской Федерации (Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов), многообразие используемых в обороте цифровых (виртуальных) ценностей (активов) (в том числе разного рода «стейблкоинов») и возникающие в связи с этим разнообразные правоотношения порождают трудности в отнесении разновидностей указанных ценностей (активов) к определенным в законе объектам гражданского оборота, включая цифровую валюту.

Не предрешая дальнейшего развития законодательства по данным вопросам, Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что допускаемый правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования отказ в судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой и ее законного использования в обороте лицами, получившими (приобретшими) цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом, является

основанием для признания оспариваемого законоположения не соответствующим Конституции Российской Федерации в соответствующей части. Реализация конституционного права на судебную защиту, которое выполняет универсальную восстановительную функцию в отношении всех других конституционных прав и свобод, предполагает четкое, недвусмысленное и согласованное нормативное регулирование не только условий доступа к суду, но и порядка их выполнения всеми, к кому они применимы, без чего невозможно осуществление правосудия на основе принципов справедливости и равенства (преамбула; статья 19, часть 1; статья 45; статья 46, часть 1, Конституции Российской Федерации).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 71, 72, 74, 75, 78, 79, 80 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не противоречащей Конституции Российской Федерации, поскольку предъявляемое ею условие информирования о фактах обладания цифровой валютой и (или) совершения с ней гражданско-правовых сделок и (или) операций в установленном порядке не нарушает конституционного права лиц, осуществляющих майнинг цифровой валюты, на судебную защиту имущественных прав, связанных с обладанием цифровой валютой, полученной (приобретенной) путем ее майнинга и используемой на законных основаниях.

2. Признать часть 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2), 45 и 46 (часть 1), в той мере, в какой она в системе

действующего правового регулирования препятствует судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой и ее законного использования в обороте и заявленных лицами, получившими (приобретшими) цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом.

3. Федеральному законодателю надлежит – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в настоящем Постановлении, – внести в действующее правовое регулирование необходимые изменения.

4. Впредь до внесения изменений, вытекающих из настоящего Постановления, действующее правовое регулирование не может считаться препятствующим судебной защите имущественных требований, вытекающих из законного обладания цифровой валютой и ее законного использования в обороте и заявленных лицами, получившими (приобретшими) указанную цифровую валюту способами, не связанными с ее майнингом, если ими в суд будут представлены сведения, подтверждающие, что цифровая валюта, относительно которой возникло требование, была получена и использовалась на допустимых законом основаниях.

5. Судебные постановления, вынесенные по делу с участием гражданина Тимченко Дмитрия Игоревича на основании части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», подлежат пересмотру в установленном порядке.

6. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

7. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (*www.pravo.gov.ru*).

Конституционный Суд
Российской Федерации

№ 2-П